

Николай Сергеевич ВладимировВоенный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации,
начальник управления центра (лингвистического МО РФ), Москва, Россия
e-mail: head1dep@mail.ru**Фрагменты-реалии обязательной военной службы
в языковой картине мира испанских военнослужащих**

Аннотация. Статья посвящается исследованию языковой картины мира военнослужащих вооруженных сил Испании, проходящих обязательную военную службу (военную службу по призыву), через призму социально-группового диалекта субкультуры, в контексте репрезентации ее системы ценностей и социокультурных норм. Рассматривается роль солдатского подязыка в передаче идей внутригрупповых взаимоотношений, казарменной иерархии и стратификации. Особое внимание уделяется созданию средствами языка образов молодого и старослужащего солдата, символизму течения времени в армии. Статья является продолжением цикла исследований, направленных на изучение системных качеств субкультуры и ее социолекта.

Ключевые слова: языковая картина мира, военный социолект, солдатский подязык, военная служба по призыву, казарменная иерархия, стратификация, образ, оценка.

Nikolay S. VladimirovMilitary University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky,
Head of the Department of the Center (Linguistics Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation), Moscow, Russia
e-mail: head1dep@mail.ru**Fragments and Realia of Compulsory Military Service
in the Linguistic Worldview of Spanish Conscripts**

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic worldview of conscripts in the Spanish Armed Forces undergoing compulsory military service (conscription military service) through the prism of the social-group dialect of the subculture, in the context of representing its value system and sociocultural standards. The role of soldierly sublanguage in conveying ideas of intragroup relationships, barrack hierarchy, and stratification is examined. Particular attention is paid to the linguistic creation of "young" and "senior" soldiers and the symbolism of the passage of time in the army. The article continues a series of studies aimed at investigating the systemic qualities of the subculture and its sociolect.

Keywords: linguistic worldview, military sociolect, soldier sublanguage, conscription military service, barrack hierarchy, stratification, image, evaluation.

Введение (Introduction)

Двухсотлетний период существования социального института обязательной военной службы в армии Испании оставил значительные следы в испанском обществе. Говоря о следах военной службы по призыву, в первую очередь следует упомянуть субкультуру солдат-срочников, сформировавшуюся под воздействием ее жестких условий.

Солдатская субкультура является формой субкультуры, глубоко интегрированной в общество. Ее основными носи-

телями являются солдаты, проходящие или прошедшие обязательную военную службу. Их мировоззрение и специфическая картина мира оказывают значительное влияние на формирование аксиосферы, паттернов поведения и лексической системы военного социолекта.

Изучение взаимосвязи системных качеств солдатской субкультуры и ее социально-группового диалекта в диахроническом аспекте представляется нам важным и интересным, поскольку позволяет архивировать культурную и историческую память об исчезнувшем сообществе, обогащает

© Владимиров Н. С., 2026

Для цитирования: Владимиров Н. С. Фрагменты-реалии обязательной военной службы в языковой картине мира испанских военнослужащих // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 74–79. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-74-79

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

научную базу, расширяет представления о многообразии природы, мировоззрении человека и его языке.

Объектом исследования мы выбрали языковую картину мира военнослужащих армии Испании, проходящих обязательную военную службу. Предметом являются единицы речи, характерные для социальной группы испаноязычных военнослужащих по призыву, в форме и семантике которых выражаются оценка и специфическое видение объектов армейской действительности, а также отношение к ней представителей анализируемой субкультуры. Целью ставится реконструкция отдельных фрагментов-реалий языковой картины мира военнослужащих по призыву. В настоящем исследовании мы продолжаем работу по изучению субъязыка и системных качеств субкультуры испанских военнослужащих по призыву [1; 2].

Методы (Methods)

Исследование основывается на интеракционистском подходе и выполнено в два этапа. На 1-м этапе произведен подбор испаноязычного материала, способствующего достижению цели исследования. Источниками послужили работы испанских авторов, изучающих субкультуру, жизнь и (или) речь военнослужащих, проходящих обязательную военную службу [3; 4; 5; 6; 7]. Из подобранных работ методом сплошной выборки извлекались единицы и тексты испанского военного языка (далее также *военяз*), которые, по нашему мнению, содержали необходимую образность и оценочность для репрезентации языковой картины мира военнослужащего. На 2-м этапе с использованием методов контент-анализа, когнитивной лингвистики, герменевтической этнографии мы предприняли попытку интерпретации и моделирования отдельных фрагментов языковой картины мира испанских военнослужащих по призыву.

Литературный обзор (Literature Review)

Под солдатской субкультурой мы подразумеваем разновидность военной субкультуры, основа которой — особый образ жизни военнослужащего по призыву в условиях казармы, который порождает свою систему ценностей и ориентаций, язык, мировоззрение, культуру, ритуалы и т. д.

По Р. А. Сайфутдинову, «средоточием каждой субкультуры является свое представление о картине мира» [8, с. 228]. Картина мира является предметом исследования многих гуманитарных наук (философии, психологии, социологии и т. д.), каждой из которых присуща собственная интерпретация этого понятия.

Среди множества картин мира выделяют научную, чувственно-пространственную, духовно-культурную, философскую, оценочную, языковую и др. Л. М. Терентий отмечает, что в лингвистике традиционно исследуется наивная, или языковая, картина мира [9, с. 170]. Именно она находится в фокусе нашего исследования.

По О. А. Корнилову, любое толкование понятия языковой картины мира не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач [10, с. 4].

Для решения задач нашего исследования мы опираемся на определение, приведенное в «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)», согласно которому «языковая картина мира — совокупность знаний об окружающем человека мире, запечатленных в языковой форме. Отраженные в языке представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности» [11, с. 362].

Говоря о языке социальной группы солдат, проходящих обязательную военную службу, который Х. Г. Капуз выделяет в отдельный подвид испанского военяза [5, р. 266], считаем важным отметить, что повседневное речевое общение этой группы осуществляется, как правило, в форме устного разговорного общения.

Как отмечает Б. Л. Бойко, стихия устной речи предъявляет к отбору лексики особые требования. На первый план в устном повседневном общении выдвигаются коллоквиализмы, профессионализмы, единицы военного жаргона [12, с. 97].

В. П. Коровушкин полагает, что военный жаргон вместе с военным аргументом входят на правах микросистем в лексическую систему военного социолекта. Дополняется лексическая система военного социолекта военными коллоквиализмами, военными вульгаризмами, а также отдельными элементами смежных профессиональных и корпоративных жаргонов [13, с. 28].

Иными словами, можно утверждать, что повседневное устное «живое» общение представителей военного социума осуществляется с помощью военного социально-группового диалекта.

Военный социально-групповой диалект, по В. П. Коровушкину, — это «форма существования национального языка, обслуживающая военный социум и обладающая специфической просторечной лексико-фразеологической системой» [14, с. 57]. При этом социум, по мнению ученого, выступает в роли языкового и речевого коллектива — совокупности социально взаимодействующих индивидов, имеющих единый инвентарь языковых единиц, но различно употребляющих их в речи.

Е. В. Лупанова относит наличие особого социально-группового диалекта к одним из наиболее ярких и самобытных проявлений специфики профессиональной военной субкультуры. По ее мнению, знание специфических особенностей на уровне лексики и фразеологии социолекта позволяет раскрыть сущность ценностных установок, мировосприятия и характера взаимоотношений военнослужащих, составляющих в совокупности профессиональный образ мира военнослужащего [15, с. 11].

Следует принять во внимание, что социальная группа военнослужащих по призыву является лишь частью военного социума, который также включает социальную группу профессиональных военнослужащих и гражданский персонал. Инвентарь языковых единиц у всех указанных социальных групп, на наш взгляд, будет отличаться. В связи с этим мы полагаем, что уместно употреблять в нашей работе термин «солдатский социально-групповой диалект», который мы рассматриваем как форму «военного социально-группового диалекта», обслуживающую речевое общение

группы военнослужащих по призыву. В качестве синонима термину «солдатский социально-групповой диалект» мы используем в работе такие термины, как социолект, подъязык, субъекты.

Стоит отметить, что «тяготение к оценкам», особенно эмоциональным, рассматривается учеными, например Е. Бартминьским, как важная характеристика повседневного поведения и разговорного языка [16, с. 56]. При исследовании языковой картины мира солдата сложно оставить без внимания значимость для нее оценки. Так, Н. Г. Мед полагает, что «оценочная картина мира представляет собой фрагмент языковой картины мира, отражающий знаковым способом ценностные представления человека о себе самом и об окружающем его мире» [17, с. 58].

На основании вышеизложенных мнений ученых, мы считаем, что в единицах солдатского социально-группового диалекта важными для репрезентации характеристиками представляются их оценочность и образность, так как представления солдата об окружающей его действительности неразрывно связаны с различными оценками.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Фрагменты-реалии языковой картины мира военнослужащего

Мы рассматриваем отдельные фрагменты-реалии как лексико-семантические группы, номинативные единицы и тексты, которые способны создавать в сознании стереотипные эмоционально значимые образы, связанные с военной службой. Изучение совокупности различных образов делает более понятной и доступной для научного наблюдения целостную языковую картину мира субкультуры.

Предназначение языковой картины мира, по О. А. Корнилову, заключается в том, чтобы сохранять и из поколения в поколение воспроизводить упрощенное, обиходное структурирование окружающего мира, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционно сложившимися категориями [10, с. 19]. Анализ научных работ испанских авторов [3; 4; 5; 6; 7] позволил выявить в солдатском социолекте некоторые ключевые для субкультуры «темы-кирпичики», из которых состоит план содержания языковой картины мира испанского военнослужащего по призыву. Таковыми, на наш взгляд, являются следующие темы:

- казарменная иерархия и стратификация;
- разделение обязательной военной службы на периоды;
- общее отношение солдата к обязательной военной службе, ее субъектам, явлениям и процессам;
- отсутствие дисциплины и доминантные отношения между военнослужащими разных периодов службы.

Продemonстрируем некоторые зафиксированные нами стержневые образы субкультуры в контексте выделенных «тем-кирпичиков».

В теме «Казарменная иерархия и статусные позиции» выделяются два основных архетипа: лидер (старослужащий солдат) и зависимый (молодой солдат). Мы покажем в нашем исследовании, что самоидентификация старослужащих строится вокруг образов силы, независимости и жесткости. Напротив, на новобранцев навешивают ярлы-

ки, подчеркивающие слабость, беспомощность и неумелость.

В теме «Разделение обязательной военной службы на периоды» особое место занимает ожидание солдатом завершения военной службы — это тема, которая, по словам Б. Л. Бойко, очень важна для субкультуры [18, с. 18]. Заслуживают внимания фрагменты, связанные с призывом на военную службу, воинской присягой, разделением военной службы на периоды и казарменные сообщества.

Теме «Отношение солдата к обязательной военной службе» присущи ключевые образы, связанные с потерей времени. В этом ряду отмечаем казарменные стереотипы: «армия — напрасная потеря времени», «армия — это тюрьма», «служба в армии — это только наряды и хозяйственные работы» и др.

Тема «Отсутствие дисциплины и доминантные отношения между военнослужащими» раскрывается с помощью фрагментов, отражающих квазиармейскую сферу армейской жизни. Под этой сферой мы понимаем деятельность, субъектом которой является солдат, но которая не имеет непосредственного отношения к выполнению обязанностей военной службы: казарменное хулиганство и дедовщина, проступки и наказания, отношение солдат к женщинам, интимной сфере и алкоголю.

В связи с тем, что рамки статьи не позволяют осветить все указанные темы, мы ограничимся иллюстрацией в картине мира субкультуры архетипов молодого и старослужащего солдата, а также затронем тему окончания обязательной военной службы.

Необходимо отметить, что аффективно окрашенные представления, связанные с впечатлениями от реалий военной службы, становятся неиссякаемым источником метафорических иносказаний для обозначения армейских явлений и предметов, окружающих солдата. Происходит, как писал В. М. Жирмунский, «распространение определенного круга значений за его нормальные границы» [19, с. 118]. В результате стержневые понятия, вокруг которых строятся армейские жизнь и быт, обрастают многочисленными метафорами.

Метафора позволяет гораздо быстрее достигать целей речевого общения между солдатами-срочниками. При этом метафора с большей эффективностью в сравнении с другими речевыми средствами передает адресату нужные адресанту архетипы, участвует в демонстрации ценностно значимого и создает требуемый для функционирования субкультуры социокультурный фон. В первую очередь эта эффективность достигается высокой оценочностью метафоры, сочетающей помимо функции номинирования экспрессивно-стилистическую окраску явлений и процессов военной службы.

Образ молодого солдата

В социолекте субкультуры широко распространено метафорическое употребление жаргонных речевых единиц, обозначающих социальную стратификацию солдат и ассоциирующихся с образом семьи. Например, употребление для номинирования статусных позиций военнослужащих лексем, таких как *hijo* 'сын', *papá* 'папа', *padre* 'отец' (юмористические дериваты *padraco* и *padrecito*), а также *abuelo*

‘дед’, *bisabuelo* ‘прадед’, формирует образ авторитарной мужской модели воспитания в армии Испании. Подобная модель является своеобразным институтом кураторства дедов над *молодыми* и призвана обеспечивать субкультурную преемственность в службе.

Авторитарная суть упомянутой модели воспитания порождает в сознании солдат более раннего призыва ложные представления о дозволенности оказывать физическое и моральное воздействие на солдат более поздних призывов. Образ дедовщины как формы воспитания можно продемонстрировать в дискурсе казармы в виде жестких вербальных ограничений, установленных неформальными казарменными кодексами для новобранцев старослужащими, о которых упоминает Р. Морант, например: *El chivo no tiene derecho a nada* — «У духа нет прав»; *El chivo no opina sólo obedece* — «Дух не думает, он просто подчиняется»; *Cuando hable un abuelo, cállate chivo* — «Если дед заговорил, замолчи, *calaza!*» [6, р. 356] (здесь и далее перевод наш. — Н. В.).

В картине мира испанского солдата для придания образности процессам неуставного воздействия старослужащих на молодых солдат, связанным с проявлением дедовщины, общепринят глагол *putear* [4, р. 232]. Полагаем, что этот глагол наиболее адекватно передается на русский язык, с учетом повсеместно употребляемой в армии архетипической метафоры эротического происхождения, обценным глаголом *задрочить* в значении «издеваться, заставлять что-либо делать против воли». Ср.: *Cualquier soldado posee historias numerosas de mandos inferiores que le han puteado sistemáticamente* [20, р. 23] — «Каждый солдат расскажет вам тысячу историй о том, как над ним постоянно издевались сержанты»; или *la percepción del chivo es, sin embargo, que se halla en un estado de total indefensión frente a las demandas de los veteranos que, en caso de resistencia, podrían putearle durante el resto de la mili* [20, р. 30] — «восприятие новобранцев заключается в том, что они совершенно беззащитны перед старослужащими, которые, в случае неповиновения, могут издеваться над ними всю оставшуюся службу».

У молодого испанского солдата нет возможности противопоставить что-либо сложившейся внутриказарменной статусной системе, ведь согласно неформальным казарменным законам в их литературном изложении: *Todo bicho amontinado [sic] será vilmente puteado* [3, р. 71] — «Каждый идущий против правил новобранец будет жестко наказан».

Подобное восприятие новобранца в среде послуживших солдат и полное отсутствие прав и личной свободы сформировали в языковой картине мира значительную часть словаря, с помощью которого молодые солдаты означаются в речи лексическими единицами на основе зооморфных номинаций.

Приведем примеры таких единиц с ярко выраженной уничижительной коннотацией. Например, молодой солдат сравнивается с образами не самых приятных представителей таксономической шкалы (животных или насекомых): *bicho* ‘насекомое’, *chivo* ‘козел’, *chinche* ‘клоп’, *sapo* ‘жаба’, *gorila* ‘горилла’, *piojo* ‘вошь’. Такие номинации иллюстрируют высокомерно-презрительное отношение старослужащих к молодым солдатам. Прагматика подобных жаргонных единиц состоит, по-видимому, в том, чтобы подчеркнуть социальное бесправие в казарме молодого солдата.

Подробнее хотим остановиться на лексеме *monstruo* ‘чудовище’, которая употребляется для номинирования стра- ты молодых солдат, прослуживших менее трех месяцев. Эта лексема стала неотъемлемой частью солдатского жаргона и, как правило, употребляется старослужащими солдатами с пренебрежительно-уничижительной коннотацией.

Как и многие единицы в лексической системе военного социолекта, возникшие в результате социокультурных процессов, происходящих внутри казарменных сообществ, лексема *monstruo* употребляется не только с целью обозначения определенной группы военнослужащих. Данная лексическая единица активизирует в ментальном сознании участников субкультуры совокупность критериев, на основе которых формируется оценочное суждение сообщества старослужащих солдат относительно новобранцев. Мы оцениваем ее как одну из наиболее часто употребляемых в солдатском субязыке в указанном контексте.

Monstruo дословно обозначает ‘чудовище, урод, монстр’. Именно эти значения выступают в роли ассоциатов. Молодой солдат — это чудовище, которое еще не приручили и которое выделяется отсутствием необходимых знаний и умений на фоне уже послуживших солдат [4, р. 188]. Можно сказать, что жаргонное значение лексемы *monstruo* — это производное от образа жизни новобранца на низшей ступени казарменной иерархии и связанных с этим образом характеристик. Например, речь идет о мешковатости — неумении в первые дни службы носить военную форму одежды подтянуто и опрятно, о несообразительности — еще не сформировавшемся умении выполнять все служебные активности вовремя и именно так, как требуется, а также о необходимости учитывать законы дедовщины, т. е. вынужденно подчиняться неформальным казарменным законам.

Можно предположить, что, номинируя новобранцев подобными речевыми единицами, старослужащие вкладывают в их значение и определенный комический подтекст, основанный на сарказме. Вместе с тем мы считаем, что в своей сути подобные номинации — это своего рода социальная стигма. Какого-то нейтрального значения этой номинации в субкультуре не существует. Значение лексемы создает исключительно выраженный негативный образ солдата — он воспринимается субкультурой как неумелый, несамостоятельный, слабый морально и физически и т. д. Негативное восприятие создаваемого образа усиливается тем, что авторитарная модель воспитания внутри социальной группы срочников не позволяет солдату проявлять любую слабость. Ведь слабый солдат — это объект постоянных насмешек и агрессии.

Продолжить ряд зооморфных номинаций можно социолектизмами, также означающими представителей животного мира, но при этом не передающими пейоративную стилистическую окраску. Например, характеристики неопытности, закомплексованности и некоторой наивности, присущие большинству новобранцев, передаются использованием в речи следующих жаргонизмов: *conejo* ‘кролик’, *pollo* ‘цыпленок’, *borrego* ‘барашек’, *pipiolo* ‘птенец’, *pato sin plumas* ‘утка без перьев’. Отношение человека к подобным животным пробуждает в сознании положительные чувства: симпатию, заботу, в некоторой степени привязанность. Ассоциативное восприятие

этих и подобных им жаргонизмов создает образ молодого солдата как человека, за воспитание и профессиональную подготовку которого *деды* несут ответственность.

Образ старослужащего солдата

Далее продемонстрируем некоторые примеры речевых единиц социолекта, эксплицирующих определенную совокупность характеристик казарменного сообщества старослужащих солдат. В связи с этим представляется необходимым зафиксировать образ старослужащего и приписываемые этому образу специфические черты.

Создаваемый субкультурой казармы образ *деда*, *дембеля* критически важен для нее самой. Информанты социологических исследований испанских авторов так описывают старослужащих: «*Дед* — абсолютный хозяин в расположении роты. Он делает всё, что ему взбредет в голову и отличается от остальных: он не заправляет шнурки в ботинки, носит раскрашенный ремень, “птица” на его кепке покрашена в черный, а сама кепка смята повдоль. Он колотит всех, кого сочтет нужным» [7, р. 574].

Для понимания глубины этого неуставного образа стороннему человеку потребуются разъяснить присутствующий социокультурный контекст. Старослужащий солдат намеренно нарушает целый ряд установленных норм. Он нарушает форму одежды — не заправляет шнурки, изменяет цвет кокарды с положенного желтого по уставу на черный, придает запрещенную форму головному убору и применяет в отношении сослуживцев физическую силу.

Важность этого образа обусловлена тем, что *дембель*, по К. Л. Банникову, — это категория, включающая не только социальный статус, но и состояние сознания, этико-эстетическую парадигму, а также систему ценностей [21, с. 137]. Кроме того, очевидно, что приобретение подобного статуса отвечает главной потребности личности в армии — самоутверждению, а неуставная система стратификации по мере повышения статуса солдата постепенно восстанавливает его отобранные в начале службы права, в том числе важнейшее в экстремальных сообществах право личности на пространство [21, с. 127–128].

При этом ассоциативно-образное представление в сознании ключевых характеристик старослужащего создается в том числе с помощью природоморфных номинаций, например *pie*dra ‘камень’, *roca* ‘скала’, *fósil* ‘ископаемое’, или номинаций, связанных с возрастом, таких как *momia* ‘мумия’, *vieja* ‘старуха’, а также упомянутых ранее *abuelo* ‘дед’ и *bisabuelo* ‘прадед’. Коннотация этих языковых единиц помогает транслировать мощный архетип *дембеля* с чертами, приписываемыми ему субкультурой: независимостью, силой, жесткостью и богатым армейским опытом, который он приобрел, прослужив в армии значительное количество времени.

Год в армии — период, который занимает в еще непродолжительной жизни юноши значительное место: те стигматы сурового характера обязательной военной службы, которые оставляют следы в психике, накладывают отпечаток на поведение солдата и формируют его систему ценностей к моменту достижения им статуса старослужащего, образно сра-

наиваются в речи с телесными ранами. В качестве примера приведем еще две лексемы, номинирующие иерархические позиции старослужащих: *callo* ‘мозоль’, *laga* ‘язва’.

Ожидание солдатом окончания военной службы

Оценивая время службы в армии как социообразующую категорию, К. Л. Банников пишет, что «фактически люди в армии делятся на тех, для кого время существует, — старослужащих, и тех, для кого оно не существует, так называемых молодых бойцов, которым вести счет времени... “рано еще”» [21, с. 115]. Время для солдата, запертого в стенах казармы, тянется мучительно медленно — оно ему не принадлежит. Перманентная борьба со временем и кажущейся армейской бессмысленностью спровоцировала рождение еще нескольких жаргонных единиц, отражающих течение времени: *asfixiómetro* и *tomate*.

Рассмотрим первую из них. Лексема *asfixiómetro* состоит из двух частей: корня от *asfixia* ‘удушье’ и суффикса *-metro*, использующегося в испанском языке для обозначения приборов или инструментов, измеряющих что-либо. Таким образом, эту лексему можно перевести на русский язык как «прибор для измерения степени удушья». Лексемой *asfixiómetro* в казарменном фольклоре обозначается один из компонентов неформального «удостоверения дембеля». Этот компонент можно назвать своеобразным дембельским календарем [4, р. 36]. В подобном календаре старослужащие руками молодых солдат ведут учет дней, оставшихся до момента увольнения из армии, ведь наибольшей ценностью для *деда* является приближение к этому счастливому моменту. Знаковый порядок действий при этом может проявляться следующим образом: роль хронотопа выполняет лист бумаги с нарисованными на нем ячейками с цифрами от 1 до 100, одну из которых закрашивают по истечении дня. Срок в 100 дней, оставшихся до увольнения, — это тот период службы, в течение которого старослужащий переходит в касту, занимающую высшую ступень на лестнице неформальной иерархии, — он становится *bisabuelo* (досл. ‘прадед’), что обозначает ‘дембель’. Сопоставляя значение лексемы и предназначение обозначаемого ею предмета, можно прийти к выводу, что испанский солдат воспринимает обязательную военную службу как удавку, лишаящую его «воздуха», т. е. спокойной жизни на «гражданке». Вероятно, это восприятие может быть связано с высоким уровнем давления и стресса в повседневной армейской жизни. Эмоциональные и физические нагрузки, жесткая организация жизненного пространства могут приводить к различным негативным социальным последствиям.

Что касается лексемы *tomate* ‘помидор’, то ею в субкультуре обозначают каждый из 100 дней, оставшихся до увольнения из армии. Как говорят сами старослужащие, *Cuando se baja la bandera, se baja un día del “Tomate”* — «Когда опускается флаг», уходит еще один день “Томата»» [4, р. 281]. В изученных работах нам не удалось проследить этимологию жаргонного значения этого слова.

Отличной иллюстрацией символизма времени в картине мира срочника может послужить существующая неуставная

* Кокарда. — Примеч. авт.

** Процесс, символизирующий в армии окончание служебного дня. — Примеч. авт.

традиция, согласно которой bisabuelo 'дембель' задает своему bicho 'саларе' вопрос: *¿A cuánto está el tomate?* — досл. «Сколько стоит помидор?», на что должен прозвучать соответствующий ритуалу ответ с указанием правильного количества оставшихся *дембеля* дней службы. Молодой солдат, назначенный для ведения учета дней службы *дембеля*, не ответивший на поставленный вопрос, несомненно, будет подвергнут какому-нибудь наказанию [4, р. 281].

Заключение (Conclusion)

Изучение фрагментов языковой картины мира военнослужащих на лексическом материале социально-группового диалекта в контексте темы исследования позволяет сделать вывод, что ее формирование происходит по мере прохождения военнослужащими службы, в период совместной профессиональной и бытовой деятельности, в процессе усвоения подъязыка субкультуры. Совокупность знаний о реалиях военной службы по призыву, зафиксированных в языке, закладывает у юношей основу профессионального образа сознания. Полагаем, что основные цели приобрете-

ния солдатом суммы этих знаний — социальная адаптация призывников, формирование внутригрупповой культуры взаимоотношений и облегчение процесса коммуникации между солдатами разных призывов.

В исследовании мы находим очередное подтверждение выводам Б. Л. Бойко о том, что образная система лексических средств занимает центральное место в языковой картине мира военнослужащих, а жаргонный слой этой системы характеризуется наибольшей образностью [12, с. 101].

Солдатский социолект является важным источником формирования языковой картины мира испанского солдата. Подъязык солдата становится инструментом различных оценок: общих и частных, положительных и отрицательных; выступает важным элементом неформального контроля одних казарменных сообществ военнослужащих над другими. Его можно расценивать как средство подавления индивидуальности и насаждения субкультурой внутригрупповых ценностей (антиценностей). Одной из важных функций является демонстрация иерархического положения субъекта в социальной пирамиде казармы.

1. Владимиров Н. С. Солдатский жаргон: роль юмора в дискурсе казармы. Тематическая дифференциация юмористической лексики и фразеологии (на материале испанского языка) // Военно-филологический журнал. 2024. № 3. С. 51–63.
2. Владимиров Н. С. Иерархия казармы в солдатском жаргоне военнослужащих армии Испании // Военно-филологический журнал. 2025. № 3. С. 64–76.
3. Álvarez S., González P., Vigara Tauste A. M. Lenguaje (y vida) del recluta en el cuartel // Tabanque: Revista Pedagógica. 1994. Vol. 9. P. 65–84.
4. González F. R. Diccionario de terminología y argot militar. Madrid : Editorial Verbum S. L., 2005. 317 p.
5. Capuz J. G., González F. R. El lenguaje de los soldados // El lenguaje de los jóvenes / coord. F. R. González. Barcelona : Ariel España, 2002. P. 265–290.
6. Morant R., Peñarroya M., López G. El lenguaje de los soldados // Pragmalingüística. 1997–1998. Vol. 5–6. P. 343–359.
7. Sánchez Navarro E. Servicio militar: un problema de identidades : phd in Sociology sci. diss. Universidad Complutense de Madrid, 2005. 588 p.
8. Сайфутдинов Р. А. Проблема типологии армейской субкультуры // Регионология. 2010. № 3 (72). С. 224–230.
9. Терентий Л. М. Психолингвистическое изучение образа мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80), ч. 1. С. 170–173.
10. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
11. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
12. Бойко Б. Л. Языковая картина мира армейской субкультуры (на материале немецкой и русской военной лексики) // Вестник военного университета. 2008. № 4. С. 96–102.
13. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Череповец, 2005. 48 с.
14. Коровушкин В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2003. № 3. С. 53–59.
15. Лупанова Е. В. Профессиональный образ мира военнослужащего в зеркале условных обозначений армейских формирований // Организационная психолингвистика. 2020. № 1 (9). С. 9–25.
16. Бартмицкий Е. Место ценностей в языковой картине мира // Эволюция ценностей в языках и культурах. М. : Пробел, 2000. 240 с.
17. Мед Н. Г. Языковая десакрализация в испанской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4 (54). С. 58–71. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-58-71
18. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 57 с.
19. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л. : Художественная литература, 1936. 298 с.
20. Zulaika J. Chivos y soldados. San Sebastián : Baroja, 1989. 132 p.
21. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 112–141.